

*Новый
филологический
вестник*

№ 2(45)
2018

Москва 2018

СОУЧРЕДИТЕЛИ

Тюменский государственный университет
Южно-Уральский государственный университет
(Национальный исследовательский институт)
Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
С.С. Ипполитов

COFOUNDERS

Tyumen State University
South Ural State University (National Research University)
Russian Scientific Research Institute of Cultural and
Natural Heritage named after D.S. Likhachev
Sergej Ippolitov

Новый филологический вестник

№ 2 (45) ‘ 2018

Москва
2018

The New Philological Bulletin

№ 2 (45) ‘ 2018

Moscow
2018

ticles and Studies (1911–1998)]. Moscow, 2000, pp. 303–332. (In Russian).

(Monographs)

9. Bakaeva E.P. *Sakral'nye kody kul'tury kalmykov* [The Sacral Codes of the Kalmyks' Culture]. Elista, 2009. (In Russian).

10. Bashmakova N.V. *Slovo i obraz: o tvorcheskom myshlenii Velimira Khlebnikova* [The Word and Image: About V. Khlebnikov's Creative Thinking]. Helsinki, 1987. (In Russian).

Ханинова Римма Михайловна, Калмыцкий научный центр РАН.

Кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела монгольской филологии. Научные интересы: поэтика, русская литература, калмыцкая литература и фольклор, калмыцкая поэзия, перевод.

E-mail: khaninova@bk.ru

Khaninova Rimma M., Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Researcher at the Department of Mongolian Philology. Research interests: poetics, Russian literature, Kalmyk literature and folklore, Kalmyk poetry, translation.

E-mail: khaninova@bk.ru

Я.Д. Чечнёв (Москва)
ORCID ID: 0000-0001-9439-0430

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ КОНСТАНТИНА ВАГИНОВА

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00025

Аннотация. Статья представляет собой введение в тему «вечного возвращения» в творчестве Константина Вагинова. Данной проблеме не уделялось достаточного внимания в научной литературе. Автор статьи предпринимает такую попытку с целью обозначить наличие этой темы у Вагинова и, по возможности, показать ее актуальность для творчества писателя 1920-х гг. Внимание уделяется анализу теорий О. Шпенглера, К. Леонтьева, Ф. Ницше – возможных источников этой темы. «Вечное возвращение» показано преимущественно в связи с по- и постреволюционным историко-культурным контекстом и трудами историка культуры и краеведа Н.П. Анциферова, одного из преподавателей Института истории искусств, в котором с 1923 по 1927 г. учился Константин Вагинов. В ходе анализа автор статьи приходит к выводу, что тема «вечного возвращения», актуальная для культурной ситуации начала 1920-х гг., а также вера в возможное перерождение культуры подобно птице Фениксу, к началу 1930-х постепенно уходит из фокуса внимания Вагинова. Это связано в первую очередь с писательским интересом к изучению повседневной жизни окраин нового города – Ленинграда. Культурная ситуация времен первой пятилетки существенно меняет характер взаимодействия отдельного человека с властью, дореволюционной культуры с советской номенклатурой, «буржуазных» ценностей с пролетарскими запросами. В условиях рождения новой власти меняется статус, быт и облик любимого Вагиновым Петербурга-Ленинграда. Из города «трагического империализма» он превращается в «столицу русской провинции». Город-музей, в котором история страны более не творится, но всеми силами сохраняется, оказывается памятником эмблематическому феномену «петровского периода» русской истории. И вместе с этим памятником музейными экспонатами становятся «прежние» люди, «гуманисты» и «эллинисты», усилиями которых, по мысли Вагинова, высокая духовная дореволюционная культура должна была бы возродиться. Новым героем этого времени в романах Вагинова «Бамбочада» (1931) и «Гарпагониана» (1933) становится человек, не вписывающийся в новую реальность. В статье менее затронут историософский пласт, связанный с именами Н.Я. Данилевского и П. Лаврова. Отсутствует анализ античных источников «вечного возвращения» – эта большая проблема требует отдельного исследования. Также обойден вниманием спор о Шпенглере и «вечном возвращении», разгоревшийся в журнальной критике 1920-х гг. Автор планирует уделить внимание этим аспектам в дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: Вагинов; Анциферов; Шпенглер; Ницше; Леонтьев; вечное

возвращение; триединый закон; Петербург; культура; цивилизация; город; феникс.

J.D. Chechnev (Moscow)
ORCID ID: 0000-0001-9439-0430

To the Issue of “Eternal Return” in the Works by Konstantin Vaginov
DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00025

Abstract. The article is an introduction to the theme of “eternal return” in the works by Konstantin Vaginov. This problem has not been given sufficient attention in the scientific literature. The author attempts to indicate this topic in Vaginov’s art and to show its relevance to the writer’s works of 1920s. Author paid an attention to the analysis of theories by O. Spengler, K. Leontiev, F. Nietzsche as possible sources of the topic. We can see “eternal return” in connection with the post-revolutionary historical context and the works by the N.P. Antsiferov, one of the teachers at Art History Institute, where Vaginov studied from 1923 to 1927. During the analysis, the author concludes that the theme of “eternal return”, relevant to the cultural situation of the early 1920s, as well as the belief in the possible rebirth of culture like the Phoenix bird, by the early 1930s gradually out of Vaginov’s focus. This is due primarily to the writer’s interest in studying the everyday outskirts life in the new city – Leningrad. The cultural situation in the first five-year plan significantly changes the nature of the interaction between person and the government, pre-revolutionary culture and the Soviet nomenclature, “bourgeois” values and proletarian demands. In terms of the birth of the new government changing the status, life and appearance of St. Petersburg-Leningrad loved by Vaginov. From the city of “tragic imperialism”, it turns into “the capital of the Russian province”. The Museum-City, in which the history is no longer created, but preserved by all means, turns out to be a monument to the emblematic phenomenon of the “Peter the great period” of Russian history. Therefore, with the monument Museum exhibits “former” people, like “humanists” and “Hellenists”, whose efforts, according to Vaginov, a high spiritual pre-revolutionary culture become exhibits of the Museum. The new hero of novels “Bambochada” (1931) and “Garpagoniana” (1933) is the man, who does not fit into the new reality. The article is less concerned with the historiosophic level that associated with names of N. Danilevsky and P. Lavrov. There is no analysis of the ancient sources of “eternal return” – it is a big problem requires a different study. Also overlooked argument about Spengler and the “eternal return” that erupted in historical criticism of the 1920s. The author will pay attention to these aspects in further investigations.

Key words: Vaginov; Antsiferov; Spengler; Nietzsche; Leontiev; “Eternal return”; St. Petersburg; culture; civilization; city; Phoenix.

Теория «вечного возвращения» в творчестве Константина Вагинова – обширная тема, которую невозможно уместить в рамки одной научной статьи. Она требует более детальной разработки как в плане историко-литературного контекста, содержания философских идей, их движения в романном дискурсе писателя, а также анализа поэтики его «петербургских сказок», ранней прозы и стихотворных опытов. В рамках данной статьи мы

ставим перед собой задачу обозначить проблему «вечного возвращения» и по мере возможностей осветить этапы развития этой теории в творческой лаборатории писателя.

Словосочетание «вечное возвращение» в поле культуры ассоциируется как с индийской философией и платонизмом, так и с фамилией немецкого философа Ф.В. Ницше. Сочинения Платона и античная литература в целом более уместны к разговору об источниках «вечного возвращения» у Вагинова, если учесть, что писатель в начале 1920-х гг. посещал кружок молодых ученых-эллинистов А.Б.Д.Е.М., а также под руководством Андрея Николаевича Егунова (Андрея Николева) изучал греческий язык, пробовал переводить «Дафниса и Хлою» Лонга и «Любовные письма» Аристенета [Вагинов 2016, 190].

Несмотря на это, мы не будем останавливаться на античных корнях «вечного возвращения», а сосредоточим внимание на других источниках.

В самом известном и наиболее изученном романе Вагинова «Козлиная песнь» <1926–1927; 1929> о «вечном возвращении» читаем следующее (далее везде курсив наш. – Я. Ч.):

«С некоторых пор, с опозданием на два года, в городе <...> все заражены были *шпенглерянством*. Тонконогие юноши, птицеголовые барышни, только что расставшиеся с водяжкой отцы семейств ходили по улицам и переулкам и *говорили о гибели Запада*».

Встречался какой-нибудь Иван Иванович с каким-нибудь Анатолием Леонидовичем, руки друг другу жали:

– А знаете, Запад-то гибнет, разложение-с. *Фьютс культура – цивилизация наступает...*

Вздохали.

Устраивались собрания.

Страдали.

Поверил в гибель Запада и поэт Троицын. Возвращаясь с неизвестным поэтом из гостей, икая от недавно появившейся сытной еды, жалостно шептал:

– Мы, *западные люди*, погубнем, погубнем. Неизвестный поэт напевал:

О, грустно, грустно мне, ложится тьма густая

На дальнем Западе, стране святых чудес...

Говорил о *К. Леонтьеве* и хихикал над своим собратом. Ведь для неизвестного поэта что гибель? – ровным счетом плюнуть, *все снова повторится, круговорот-с*» [Вагинов 1991, 47].

Приведенный отрывок содержится в X главе романа, озаглавленной «Некоторые мои герои в 1921–1922 годах». Из названия следует, что увлечение шпенглерянством, правда «с опозданием на два года», в Петрограде выпадает на завершающий этап военного коммунизма, когда в обезлюдевший за время двух войн (Первой мировой и Гражданской) город вновь возвращается жизнь: появляется относительно сытная еда, «отцы семейств» оправляются от водянки, благодаря электричеству начинают

ходить трамваи.

Однако после революции «Северный Стамбул» (Н. Вишняков) из-за громких политических акций большевиков (перенесение столицы в Москву, курс на «пролетаризацию» культуры и т.п.) утрачивает свой трехсотлетний статус «единоличного властелина» над судьбой России и постепенно превращается в «столицу русской провинции» [Анциферов 2009, 513]. Лишившийся некогда учредившей его «властной силы» Петрополь все более становится похожим на каменное надгробие великого исторического замысла. Большевистская вакханалия переименований и переселений, уродования и уничтожения памятников «культы и царизма» запустила в бывшей столице программу разрыва с преданиями местности. По выражению Маяковского, то, что годилось для царских Петербургов, надлежало вырвать «с корнем из красных Ленинградов» [Анциферов 2009, 514].

Рождение новой цивилизации происходило на глазах современников Вагинова, разговоры о гибели прежней культуры были неизбежны. Революция, по словам Л.И. Шишкиной, была воспринята русским культурным сознанием «как смена культурных парадигм» и «обратила внимание к городу как символу определенного исторического типа культуры в целом и Петербургу как эмблематическому феномену “петровского периода русской истории”, в частности» [Шишкина 2016, 13]. Петербург становится городом-музеем, местом, где история не создается, но с большими трудностями сохраняется.

Неудивительно, что шпенглеровская идея «гибели Запада», о которой говорили на улицах Петербурга тонконогие юноши, птицеголовые барышни, отцы семейств и другие жители города, была подхвачена и стала модной в 1920-е гг. Рассказчик Вагинова пишет о двухгодичном опоздании, но на наш взгляд этого не произошло: идея гибели цивилизации нашла «массовый» отклик тогда, когда стало понятно новая власть уже укоренилась, а революция, как отмечает Д.М. Магомедова, «ощущалась каждым как главное и единственное содержание жизни» [Магомедова 2017, 141].

Первый том «Заката Европы» Освальда Шпенглера – «Гештальт и действительность» (Gestalt und Wirklichkeit) – увидел свет в 1918 г. в Вене, второй – «Всемирно-исторические перспективы» (Weltgeschichtliche Perspektiven) – издали в Мюнхене в 1922 г. Окончательная редакция обеих книг появляется в 1923 г. В это же время в русском переводе, как отмечает К.А. Свасьян, под названием «Образ и действительность» появляется только первый том, но сразу в двух переводах – Н.Ф. Гарелина и А.А. Франковского [Свасьян 2010, II, 33]. Небывалый успех сочинения Шпенглера был вызван общим для всех интеллектуалов осознанием конца «всей старой культуры». Перед русской художественной и философской мыслью в пореволюционное время предстала задача «понять смысл современности сквозь призму всей истории человеческой культуры, проверить настоящее прошлым, решить вопрос о культурном наследии,

<...> предсказать будущую судьбу европейской культуры» [Магомедова 2017, 141].

В своей книге Освальд Шпенглер предлагает по-другому взглянуть на мировой исторический процесс: для него он нелинеен. «Выпрямленная» история Древнего мира, Средних веков, Нового времени и т.д. кажется немецкому философу неубедительной. Ей Шпенглер противопоставляет циклическое понимание исторического движения, согласно которому культура являет собой некий замкнутый организм, проходящий, и здесь не укрывается влияние Ницше, стадии детства, юности, зрелости и старости. «Если линейная модель, – по замечанию К.А. Свасьяна, – имела предпосылкой абсолютную однородность времени и пространства, то циклической модели могла соответствовать совершенно иная топика неклассического типа, скажем, некое множество релятивистских систем отсчета» [Свасьян 2010, II, 33].

Общее место в теории Шпенглера – это восемь мировых культурных организмов (Вавилонская, Арабо-Византийская, Египетская, Индийская, Китайская, Майанская (Мексиканская), Греко-Римская и Западноевропейская культуры), не прикрепленные к хронометрически единообразному пространству. Культурные организмы изживаются в своем измышленном и сотворенном хронотопе. Они представляются Шпенглеру как герметически изолированные друг от друга монады, которые лишь рассудочно имитируют (в лице своих историографов) наличие какой-либо преемственной связи.

Прожив определенный срок – среднюю продолжительность которого Шпенглер уместает в тысячелетие – любая культура обречена на старость, увядание и смерть. Старость культуры – это цивилизации. Недаром у Вагинова в приведенной выше цитате «какие-нибудь» Иван Иванович (Соллертинский?) и Анатолий Леонидович говорят о конце культуры и наступлении цивилизации. Это маркер того, что, по-видимому, писатель был неплохо знаком с идеями немецкого мыслителя. Неудивительно, ведь шпенглеровская «философия эпохи» вызвала массу откликов, как сочувствующих, так и критических за рубежом и в России.

Роман «Козлиная песнь» писался в 1926–1927 гг., редактировался в 1929 г. (уже после выхода книги), следовательно Вагинов, возможно, был знаком и с полемикой, которая развернулась вокруг «Заката Европы» в России, и, что менее вероятно, с философскими спорами вокруг этой же книги в Европе. В 1922–1923 гг. Н. Бердяев, Я. Букшпан, Ф. Степун и С. Франк выпускают сборник статей «Освальд Шпенглер и Закат Европы», в котором осмыслиют феномен и влияние Шпенглера на современную им мысль. О «книге эпохи» размышляют Е. Браудо, Б. Вышеславцев, В. Лазарева, а также, в критическом ключе, К. Гарсис, В. Ваганян, В. Базарова и др. [Степанова 2015, 24]. На родине Шпенглера, по справке К.А. Свасьяна, только «библиография работ <...> в промежутке между 1921–1925 годами насчитывает 35 наименований» [Свасьян 2010, II, 33], а международный ежегодник «Логос» за 1920–1921 г. посвятил теме

«Шпенглер» специальный выпуск – «Spenglerheft» [Свасьян 2010, II, 33].

Метафора жизненного цикла, положенная в основании морфологии культур Шпенглера, как мы уже отмечали, заимствована у Ф.В. Ницше (его наравне с Гёте немецкий философ называет своим предшественником, «хотя число обнаруженных критиками предшественников Шпенглера переваливало за сотню» [Свасьян 2010, II, 33]). Сам Ницше в противовес обучению искусству жить особое внимание уделял проработке вопроса «что есть сама жизнь». По словам В.А. Подороги, все главные персонажи Ницше учат именно пониманию самости жизни. «За учением стоит Учитель, идеал избранного способа понимать жизнь. Другими словами, мысль всегда проявляет себя через избранный мыслителем способ (“перспективу”) жизни, драматическая театрализация образов мысли актуализирует возможные способы жизни. Под учением Ницше следует понимать разновидность духовного упражнения, т.е. обновляющее повторение того, что уже много раз было повторено. Жизнь – это полнота обновляющих себя повторений, и в этом смысле она – противоречие» [Подорога 2010, III, 94].

Из всей полноты «обновляющих себя повторений» вырастает и «теория вечного возвращения», которую излагает самый известный персонаж Ницше – Заратустра. «Вечное возвращение» понимается им как «бытие становления»: нечто становится, вечно возвращаясь, но возвращается как иное себе [Подорога 2010, III, 93]. Особую роль в ходе этого возвращения играет повторение того же самого как иного, потому что повторение строится и как забвение, и, вместе с тем, как воспоминание. «Лучшее» вспоминается, а «худшее» подлежит забвению. Вечное интерпретируется Ницше как вечно становящееся, т.е. в своей неизменности оно не может распасться на себя повторяющиеся мгновения. Вечное возвращение не имеет наглядного образца и от этого как бы расслаивается на то, что можно назвать кругами: на «малый круг» и на «большой круг». «Малый круг» представляют зверушки, т.е. те, кто сопровождают Заратустру, слушают его и, совершенно не понимая сказанного, запоминают услышанное, а после его транслируют. Заратустре, который представляет «большой круг» повторения, это не нравится, он сердится и обращается к ним с упреками: «Как хорошо знаете вы, что должно было исполниться в семь дней – и как то чудовище заползло мне в глотку и душило меня! Но я откусил ему голову и отплюнул ее далеко от себя. А вы – вы уже сделали из этого уличную песенку?» (курсив наш. – Я. Ч.) [Ницше 1996, II, 158]. Однако, несмотря на протесты, Заратустра не гонит от себя зверят по причине их способности, не вдаваясь особо в суть, воспроизвести основные постулаты его учения и, образовав этим «малый круг» повторения, обеспечить «вечность» словам Заратустры.

Однако внимание Вагинова к «бытию становления» исходит из нескольких иных источников. В городе-музее Петербурге среди старожилов («запада владык и князей») в противовес актам переименования и разрушения развивался другой процесс – собирания во имя воскрешения

[Анциферов 2009, 514]. В бывшей «Северной Пальмире» развернулась настоящая борьба за усмирение потока бесчинств «звериной крови» («Бегу в ночи над Финскою дорогой...» [Вагинов 2016, 71]). Действовали общества «Старый Петербург» и «Медный Всадник», благодаря которым производилась охрана памятников и дворцов-усадеб. «При Академии наук функционировало Центральное бюро краеведения, осуществлявшее научный надзор над охраной и собиранием памятников. При Музейном отделе Наркомпроса был создан Экскурсионный институт для разъяснения массам ценности сокровищ царского времени» [Анциферов 2009, 515]. В этой деятельности был занят не только весь цвет петроградской интеллигенции, но и довольно широкий круг молодежи, которая училась в Тенишевском училище, Государственном институте истории искусств, в Педагогическом институте.

В период с 1923 по 1927 гг. Вагинов занимался на словесном отделении Высших государственных курсов искусствоведения (созданы в 1922 г., директором был литературовед, переводчик, драматург А.И. Пиотровский). Словесным отделением руководил лингвист и литературовед В.М. Жирмунский. В разное время с 1924 по 1929 гг. в ГИИИ преподавали: В.П. Адрианова-Перетц, В.В. Виноградов, Г.А. Гуковский, Б.В. Казанский, С.И. Бернштейн, Б.В. Томашевский, Л.В. Щерба, Б.М. Эйхенбаум, Н.П. Анциферов и др. Последний на протяжении жизни разрабатывал и апробировал глубоко им воспринятый локально-исторический метод исследования И.М. Гревса [Московская 2010] и первый связал пространственную историю с историко-литературным процессом и литературным памятником [Московская 2009, 6–19].

Идея о средоформирующей и культурогенной роли историко-культурного ландшафта, его топографической и топонимической легенды, по-видимому, была известна Вагинову. Ницшеанское «бытие становления» в семинарии Анциферова по литературным экскурсиям обретало совершенно иной смысл: в условиях деградации культуры «последние осколки запада» (и Вагинов в их числе) ощущали «музейность» всего происходящего. О «музейности некоторых персонажей» своей хронологически последней «петербургской сказки» (Маяковский) – романа «Гарпагопиана» <1933> – писатель сообщает внутреннему рецензенту в «Издательства писателей в Ленинграде» М.О. Козакову [Вагинов 1991, 511]. Музейщиками выглядят его персонажи-коллекционеры (Костя Ротиков, Миша Котиков из «Козлиной Песни», Свистонов из «Трудов и дней Свистонова», Торопуло, Пуншевич из «Бамбочады», Анфертьев, Жулонбин, Локонов из «Гарпагопианы»). Сам Вагинов в детстве увлекался нумизматикой и на протяжении всей жизни скупал редкие книги у букинистов [Вагинова 1992, 146–155]. Поэтому абстракции, предлагаемые Ницше через эмоционально окрашенные возгласы Заратустры, под влиянием историко-топографического чувства превращались для писателя в «любование жизнью», процесс накопления фактов (ср. с образом Свистонова в «Трудах и днях...») для запечатления в будущих произведениях стремительно изменяющегося быта. Недаром эта

мысль вложена в уста неизвестного поэта, одного из ключевых персонажей «Козлиной песни»: «Подыми ножку и скачи, – хотелось ему (неизвестному поэту. – Я.Ч.) посоветовать Троицыну. Он хлопнул его по плечу: *любуйся зрелищем мира*, – и показал на собачку, гадающую у ворот» (курсив наш. – Я.Ч.) [Вагинов 1991, 47].

Неизвестному поэту важно показать Троицыну важность «пустяка» в быстротекущем потоке истории. Опасения о «гибели Запада» вызывают у него улыбку и «подхихикивание». «Вторичность» опасений Троицына подчеркивается упоминанием об отечественном «морфологе культур» – Константине Леонтьеве. Модное в начале 1920-х гг. «шпенглериянство» совершенно заслоняет отвлекающегося Троицына более оптимистическую теорию Леонтьева, а также более ранние разработки сценария «гибели Запада» в русской мысли (например, цитируемое нараспев неизвестным поэтом стихотворение А.С. Хомякова «Мечта»).

Если Шпенглеру смерть цивилизации представляется окончательной, то Леонтьев говорит, скорее, о «плодоносящем» моменте в истории того или иного государства, при котором создается система отвлеченных идей (религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных). Эти идеи достаются «всему миру» как пища, как достояние этой цивилизации. Развитие созданных систем зависит от гармоничности слияния с пришедшей им на смену культурой. Леонтьев подчеркивает, что прежние системы не умирают полностью, они всегда оставляют какое-либо наследие: «Некоторые из этих культурных плодов созревают в ранние эпохи государственности, другие в средней, зрелой, третьи во время падения. Один народ оставляет миру в наследство больше, другой меньше. Один по одной отрасли, другой по другой отрасли» [Леонтьев 1876, 122]. Та или иная культура, по Леонтьеву, проходит «Триединый процесс»: «1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения» [Леонтьев 1876, 75–76]. Подобная стадийность свойственна «всему существующему»: «...не только тому миру, который зовется собственно органическим, но, может быть, <...> и небесным телам, и истории развития их минеральной коры, и характерам человеческим; он ясен в ходе развития искусств, школ живописи, музыкальных и архитектурных стилей, в философских системах, в истории религий и, наконец, в *жизни племен, государственных организмов и целых культурных миров* (курсив автора трактата. – Я.Ч.)» [Леонтьев 1876, 72–73]. Как видно из приведенных составляющих «Триединого процесса», метафора развития цивилизации связана у Леонтьева не со стадиями человеческой жизни, как у Ницше и Шпенглера, а, скорее, с эволюционным развитием (и его вариативностью).

Мыслительные конструкции Леонтьева на русской почве, несомненно, предвосхитили «философию эпохи» Шпенглера. На «любопытное совпадение» между двумя мыслителями обратил внимание С.С. Аверинцев [Аверинцев 1968, 132–153]. Их роднит «трехфункциональность» (Ж. Дюмезиль) цивилизации (религия, государство, культура),

трехстадийность ее развития (зарождение, развитие, умирание), продолжительность жизни цивилизации (примерно 1000-1200 лет), оценка сословного деления общества, оценка нетрадиционных, кризисных явлений в цивилизации (либерализма, социализма и др.) [Емельянов-Лукьянчиков]. Однако говорить о знакомстве Шпенглера с наследием «отечественного Ницше» не приходится. Нельзя однозначно сказать, читал ли немецкий мыслитель (выучивший русский язык из любви к романам Достоевского) «Византизм и славянство» (1875) в оригинале. Неизвестно и то, всплывало ли имя Леонтьева во время встречи Николая Бердяева с автором «Заката Европы» в Берлине в середине 1920-х гг. [Емельянов-Лукьянчиков].

«Триединый процесс» – это теория культурогенного порядка, при котором возвращается не нечто старое «в новых ризах» (как у Ницше), а перезапускается сам механизм создания цивилизации посредством корреляции (удачной/неудачной) системы отвлеченных идей прежней культуры с новопришедшей формой организации государства.

Говоря о цивилизации как о завершающем этапе тысячелетней жизни культуры, Шпенглер упоминал об урбанистической ее составляющей. Именно город считал он венцом человеческого бытия. Шпенглер называл человека «градостроящим животным», а всемирную историю – «историей городского человека». Город – это дом для культурного человека, то же, что для крестьянина его жилище. Культура, говорил Шпенглер, «вырастает из своего материнского ландшафта, углубляя душевную привязанность человека к почве. <...> Город <...> подобен растению. <...> ему чуждо все кочевое, все чисто микрокосмическое. По этой причине всякое развитие высшего языка форм привязано к ландшафту. Ни искусство, ни религия не в состоянии сменить место своего роста» [Шпенглер 1998, II, 92–93].

Как пишет Д.С. Московская, интерес к городской культуре на историко-филологическом факультете Петербургского университета был связан с «возникшим на рубеже XIX и XX вв. течением в исторической мысли и, еще раньше, в художественной культуре – урбанизмом» [Московская 2010, 8]. И.М. Гревсу и его ученикам (Н.П. Оттокару, П.Б. Шаскольскому, О.А. Добиаш-Рожественской, Г.П. Федотову, Н.П. Анциферову и др.) была близка мысль Шпенглера о том, что сущностью культуры является градостроительство. Исторический процесс с позиций социальной истории для Гревса представлял собой сплав совместной работы отдельной личности, людского сообщества и природного компонента данной местности. «Культура и социальная жизнь города обладает свойством концентрированно выражать достигнутые обществом вершины цивилизованности. В городах происходит сгущение культурных процессов и насыщение их плодами: это – крупнейшая форма сращения в одном конкретном общегитии элементов цивилизации, слияния и взаимодействия различных ее стихий и течений» [Московская 2010, 8].

Вагинов на протяжении всей своей недолгой жизни так же работал как

писатель-урбанист. Его, как и неизвестного поэта «гибель культуры» пока не страшила. Николай Чуковский, друг и коллега Вагинова (вместе они вели в 1930-х гг. литературный кружок на заводе электроламп «Светлана» [Бреслер, Дмитренко 2013, 10–11]), рассказывал о писательской вере в то, что культура «подобна мифологической птице Феникс, которая много раз сгорает на огне и потом возрождается из пепла и, следовательно, бессмертна» [Чуковский, Чуковская 2015, 182]. Приведем некоторые цитаты из стихотворения второй половины 1920-х гг.: «Все снится мне, сияя опереньем, / Ты фениксом взовешься предо мной, / И что костер толпы движенье / И человек костер перед тобой» («Поэма 1925 год», <1925>). «Средь вас я феникс одряхлевший. / В который раз, под дивной глубиной / Неистребимая, я на костре воскресну, / Но вы погибнете со мной» («Ночь», 1926). «И выплывает в ночь Тептелкин, / В моем пространстве безымерном / Он держит Феникса сиянье / В чуть облысевшей голове» («Я стал просвечивающей формой...», <1927>).

Местом возрождения культуры, по Вагинову, должна была стать «Северная Пальмира»: «В стране гипербореев / Есть остров Петербург, / Где музы бьют ногами, / Хотя мертвы давно...» («От берегов на берег...» [Вагинов 2016, 123]). У «эллинистов» Петрополя существует задача: «тайно донести подлинную культуру до нового возрождения Феникса. Люди, на долю которых пало выполнение этой задачи, обречены на полное непонимание, на оторванность от всего окружающего и живут почти призрачной жизнью» [Вагинов 2016, 182]. «Образ истинной культуры, ушедшей в катакомбы от варварского разрушения ее основ, – как отмечает Д.М. Магомедова, – не нов для русской литературы XX в.» [Магомедова 2017, 148]. Об этом говорил уже В.Я. Брюсов в стихотворении «Грядущие гунны» (1905), вторил ему Н. Бердяев («Предсмертные мысли Фауста»). Однако, как нам кажется, «катакомбный» характер культуры привлекал Вагинова только в 1920-е гг. (см. цикл «Острова», стихотворения «Мы, эллинисты, здесь толпой...», «Петербургжцы» и др.).

Думается, что слова А.А. Блока о том, что путь спасения духовного наследия лежит через его демонстрацию миру [Магомедова 2017, 149], были глубоко восприняты писателем. Наравне с описаниями салонных разговоров, например в «Козлиной песне» или «Бамбочаде» <1931>, порой те же самые персонажи выступают с проектами обнародования результатов своих «внутрицеховых» достижений: одни, как Торопуло и Пуншевич, хотели устроить выставку мелочей из коллекций бытовых предметов, которые удалось скопить, другие, вроде Тептелкина, уже читали лекции по истории культуры, третьи, вроде Анфертьева, мечтали связаться с государственным учреждением и предложить ему свои услуги.

Несмотря на это, энтузиазм просвещения масс у героев спадал. Многие из них, подобно Локонову, ощущали себя совершенно ненужными, третьестепенными: «Локонов чувствовал, что он является частью какой-то картины. Он чувствовал, что из этой картины ему не выйти, что он вписан в нее не по своей воле, что он является фигурой не главной, а

третьестепенной, что эта картина создана определенными бытовыми условиями, определенной политической обстановкой первой четверти двадцатого века. Вписанность в определенную картину, принадлежность к определенной эпохе мучила Локонова. Он чувствовал себя какой-то бабочкой, насаженной на булавку» [Вагинов 1991, 450]. Как видно из приведенного фрагмента, бытовые условия и политическая обстановка первой четверти XX в. совершенно не благоприятствовали духовному подъему «подлинных» носителей культуры. Птица Феникс не стремилась возрождаться в Ленинграде.

Обреченные, по словам Н.К. Чуковского, на полное непонимание и оторванность от всего окружающего, «эллинисты» (точнее оставшиеся из них) действительно жили призрачной жизнью и, как добавляет Вагинов, «вольной разбойничьей ассоциацией» [Вагинов 1991, 376]. Процесс накопительства ради возрождения, о котором мы упоминали в начале статьи, оборачивается в прогресс спекуляции с целью наживы. «В этой части общества существовала нерегламентированная государством меновая и денежная торговля, купля и продажа, неуловимая для финансовых органов. Здесь платили довольно дорого за какую-нибудь табачную этикетку первой половины XIX века, за какую-нибудь фабричную марку, покрытую позолотой. <...> В невозможных для частного накопления условиях, они все же, обойдя все законы, удовлетворяли свою страсть» [Вагинов 1991, 376].

В подобных условиях говорить о «вечном возвращении» приходится с осторожностью. Обращая свои взоры к новым «зернам города» (фабрикам, заводам, домам из стекла и бетона и т.п.), в музыке которых без водочки не разберешься» [Вагинов 1991, 460], Вагинов замечает, что европейская культура в Петербурге доживает свой век. Ее наследие в условиях советского строя существовало в маргинальном виде среди городских окраин, т.е., вспоминая теорию Леонтьева, недостаточно хорошо интегрировалась в новые культурные процессы.

Примером тому может служить стихотворение «Нарцисс». В нем персонаж греческой мифологии изображен у «фабрики, где колокольня / В обсерваторию превращена» [Вагинов 2016, 146]. Нарцисс встречает «сам себя» на городской окраине, не будучи пьян или болен. Тема двойника, варьируемая Вагиновым в «поздних» стихах и «Гарпагониане» <1933>, здесь раскрывается неожиданным образом. Вместо ужаса встречи с двойником у Достоевского Нарцисс с некоторой неловкостью неоднократно пересекается с собственным отражением: «Они растались, но встречались / Из года в год. Без лишних слов / Неловко головой качали. / Прошла и юность и любовь» [Вагинов 2016, 146].

Тема «вечного возвращения», актуальная для культурной ситуации начала 1920-х гг., а также вера в возможное перерождение культуры, подобно птице Фениксу, к началу 1930-х в творческом мире Вагинова постепенно уходит. Писатель обращается к повседневной жизни городских окраин (в русле «натуральной школы»). Культурная ситуация

времен первой пятилетки существенно меняет характер взаимодействия отдельного человека с властью, дореволюционной культуры с советской номенклатурой, «буржуазных» ценностей с пролетарскими запросами. В условиях рождения новой власти изменяется статус, быт и облик любимого Вагиновым Петербурга-Ленинграда. Из города «трагического империализма» он превращается в «столицу русской провинции». Город-музей, в котором история более не творится, но по возможности сохраняется, оказывается памятником эмблематическому феномену «петровского периода русской истории». Драму «прежних» и «новых» людей Вагинов опишет в романе «Гарпагопиана».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. «Морфология культуры» Освальда Шпенглера // Вопросы литературы. 1968. № 1. С. 132–153.
2. Анциферов Н.П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, послесл. Д.С. Московской. М., 2009.
3. Бреслер Д.М., Дмитренко А.Л. Когда на Светлану пришли писатели // Светлана: газета акционерного общества «Светлана». 2013. № 5–6 (5210–5211). 20 июня. С. 10–11.
4. Вагинов К.К. Козлиная песнь: романы / вступ. статья Т.Л. Никольской, примеч. Т.Л. Никольской и В.И. Эрля. М., 1991. (Из наследия).
5. Вагинов К.К. Песня слов. М., 2016.
6. Вагинова А.И. Ненаписанные воспоминания // Волга. 1992. № 7–8. С. 146–155.
7. Емельянов-Лукьянчиков К.М. К.Н. Леонтьев и О. Шпенглер // Слово: образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/35117.php> (дата обращения: 11.09.2017).
8. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. М., 1876.
9. Магомедова Д.М. «Крушение гуманизма» А.А. Блока и «Закат Европы» О. Шпенглера: источники и параллели // Новый филологический вестник. 2017. № 2 (41). С. 139–153.
10. Московская Д.С. Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова: генезис и контексты // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 6–19.
11. Московская Д.С. Н.П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг.: к истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М., 2010.
12. Ницше Ф. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / сост., ред. и авт. примеч. К.А. Свасьяна; пер. с нем. М., 1996.
13. Подорога В. А. Ницше // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. М., 2010.
14. Свасьян К.А. «Закат Европы» // Новая философская энциклопедия: в 4 т.

2-е изд., испр. и допол. М., 2010.

15. Степанова А. А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920–1930-х гг. Поэтология фаустовской культуры — СПб.: Алтейя, 2015.

16. Шишкина Л.И. Город как культурно-исторический феномен в работах О. Шпенглера и Н. Анциферова // Анциферовский сборник – 2016 / [отв. ред. Д.С. Московская]. М., 2016, с.13-28.

17. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории: в 2 т. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. М., 1998.

18. Чуковский Н.К., Чуковская М.Н. Воспоминания Николая и Марины Чуковских. М., 2015.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Averintsev S.S. “Morfologiya kul'tury” Osva'l'da Shpenglera [“Morphology of Culture” by Oswald Spengler]. *Voprosy literatury*, 1968, no. 1, pp. 132–153. (In Russian).
2. Magomedova D.M. “Krushenie gumanizma” A.A. Bloka i “Zakat Evropy” O. Shpenglera: istochniki i paralleli [“The Collapse of Humanism” by A.A. Blok and “The Decline of the West” by O. Spengler: Sources and Parallels]. *Novyy filologicheskii vestnik*, 2017, no. 2 (41), pp. 139–153. (In Russian).
3. Moskovskaya D.S. Lokal'no-istoricheskii metod v literaturovedenii N.P. Antsiferova: genезis i konteksty [N.P. Antsiferov's Local-historical Method in His Literary Studies: Genesis and Contexts]. *Filologicheskaya regionalistika*, 2009, no. 1–2, pp. 6–19. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

4. Podoroga V.A. Nitsше [Nietzsche]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. Vol. 3. Moscow, 2010, pp. 93–95 (In Russian).
5. Shishkina L.I. Gorod kak kul'turno-istoricheskii fenomen v rabotakh O. Shpenglera i N. Antsiferova [The City as a Cultural and Historical Phenomenon in the Works of O. Spengler and N. Antsiferov]. *Antsiferovskiy sbornik – 2016* [Antsyferov's Collection – 2016]. Moscow, 2016, pp.13-28. (In Russian).
6. Svas'yan K.A. “Zakat Evropy” [“The Decline of the West”]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia]: in 4 vols. Vol. 2. Moscow, 2010, pp. 33-34 (In Russian).

(Monographs)

7. Antsiferov N.P. *Problemy urbanizma v russkoy khudozhestvennoy literature. Opyt postroeniya obraza goroda – Peterburga Dostoevskogo – na osnove analiza literaturnykh traditsiy* [The Problems of Urbanism in Russian Literature. The Experience of

Constructing the Image of St. Petersburg Dostoyevsky Based on the Analysis of Literary Traditions]. Moscow, 2009. (In Russian).

8. Moskovskaya D.S. *N.P. Antsiferov i khudozhestvennaya mestnografiya russkoy literatury 1920–1930-kh gg.: k istorii vzaimosvyazey russkoy literatury i kraevedeniya* [N.P. Antsiferov and Art Bestography in Russian Literature of 1920–1930s: The History of Interrelations of Russian Literature and Local History]. Moscow, 2010. (In Russian).

9. Shpengler O. *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West]: in 2 vols. Vol. 2. *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [Perspectives of World History]. Moscow, 1998. (Translated from German to Russian).

10. Stepanova A.A. *“Zakat Evropy” Osva'da Shpenglera i literaturnyy protsess 1920–1930-kh gg. Poetologiya faustovskoy kul'tury* [“The Decline of the West” by Oswald Spengler and Literary Process of the 1920s–1930s. Poetry of Faust Culture]. Saint-Petersburg, 2015. (In Russian).

(Electronic Resources)

11. Emel'yanov-Luk'yanchikov K.M. *K.N. Leont'ev i O. Shpengler* [K.N. Leontiev and O. Spengler]. *Slovo: obrazovatel'nyy portal* [Word: Educational Portal]. Available at: <http://www.portal-slovo.ru/history/35117.php> (accessed 11.09.2017). (In Russian)

Чечнёв Яков Дмитриевич, Институт мировой литературы имени А.М. Горького РАН.

Научный сотрудник, аспирант Отдела новой и новейшей русской литературы. Научные интересы: теория литературы, литература начала XX в., синтез искусств. E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

Chechnev Jacob D., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Researcher, post-graduate student of the Department of New and Contemporary Russian Literature. Research interests: theory of literature, literature of the early 20th century, art synthesis.

E-mail: ya.d.chechnev@yandex.ru

И.С. Юхнова (Нижний Новгород)

ORCID ID: 0000-0003-2835-3070

ПУШКИНСКИЙ «ПРОРОК» В РАННЕЙ ПРОЗЕ В. НАБОКОВА И Г. ГАЗДАНОВА

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00026

Аннотация. В статье реализуется кластерный подход к изучению литературных сверхтекстов, объектом исследования стали художественные интерпретации стихотворения А.С. Пушкина «Пророк». Новизна авторского подхода состоит в том, что материалом для анализа стала не лирика, что характерно для данной методики, а проза русских писателей: ранние рассказы В. Набокова «Гроза» и «Слово», Г. Газданова «Третья жизнь», которые рассматриваются как вариации на тему пушкинского «Пророка». В ходе анализа убедительно доказывается, что структурное ядро сюжета этих произведений составили основные элементы лирической ситуации пушкинского текста-источника: состояние душевной опустошенности героя, встреча с посланцем Бога; озарение, потрясшее душу, и чудесное преобразование всех чувств и способностей человека; осознание человеком своей новой миссии. В процессе анализа объяснены причины обращения писателей к пушкинскому стихотворению (как биографические, так и творческие), показано, какими способами Набоков и Газданов актуализируют пушкинский контекст, рассмотрены структурные элементы лирического сюжета «Пророка», которые используют авторы, выявлены отличия (в частности, отмечено усиление роли реально-исторического и бытового фона в рассказах). Особый акцент в статье сделан на том, как решают авторы проблему Слова. Автор статьи приходит к выводу, что актуализация контекста пушкинского стихотворения позволяет В. Набокову и Г. Газданову обозначить тему творчества, показать процесс рождения художественного образа, создания произведения.

Ключевые слова: «Пророк»; А.С. Пушкин; В. Набоков; Г. Газданов; тема творчества; сюжет преобразования.

I.S. Yukhnova (Nizhny Novgorod)

ORCID ID: 0000-0003-2835-3070

Pushkin's "The Prophet" in Early Prose of V. Nabokov and G. Gazdanov

DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00026

Abstract. Artistic interpretation of A. Pushkin's poem "Prophet" is researched in the article, cluster approach to the research of literary supertexts is realised. The novelty of the author's approach is that the material for analysis was not lyric poetry, which is characteristic of this technique, but the prose of Russian writers: early novels of V. Nabokov "Storm" and "The Word", G. Gazdanov "The Third Life", which are analysed as variations on the theme of Pushkin's "Prophet". In the course of the analysis it is convincingly proved that the structural core of the plot of these works constitut-